

УДК 94(571.150).07:37

ББК 63.3(2Рос-4Алт)5-28+74.03(2)5

**Проекты региональных чиновников по учреждению
Горного училища на Алтае (конец XVIII —
начало XIX в.)***

Б.В. Бабарыкин, В.А. Скубневский

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Projects of Regional Officials on the Establishment
of the Mining School in Altai (Late 18th — Early 19th
Centuries)**

B.V. Babarykin, V.A. Skubnevsky

Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена вопросу учреждения Горного училища в Барнауле и попытке законодательного закрепления нормативно-правовой базы его функционирования на рубеже XVIII–XIX вв. Освещение настоящего вопроса позволяет иначе взглянуть на утвердившиеся в исследовательской литературе мнения, пересмотреть и скорректировать целый ряд ранее научно необоснованных суждений, касавшихся начального периода истории среднетехнического образования Западной Сибири. В работе впервые даны обзор и общая характеристика проектов горных чиновников по учреждению Горного училища. Изучение проектов проводится в четкой последовательности и тесной связи как с ведомственными производственными, так и с общероссийскими образовательными тенденциями и изменениями конца XVIII — начала XIX в. Отмечается роль личности и межличностных взаимоотношений в региональной и общероссийской истории. Описывается общая идея местного начальства об устройстве в Барнауле учебного заведения, равного Санкт-Петербургскому Горному училищу. Благородная мечта о создании в далекой сибирской провинции высшего Горного училища ставла препятствием для реализации прагматического подхода к его устройству.

Ключевые слова: Кабинет Ее Императорского Величества, Колывано-Воскресенские заводы, Горное училище.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-04

The article focuses on the establishment of the Mining School in Barnaul and the attempt to legislative consolidation of the legal framework of its operation at the turn of the 18th–19th centuries. Coverage of this topic allows taking another look at entrenched in the research literature opinions, reviewing and adjusting a range of earlier scientifically unfounded judgments relating to the initial period of the history of secondary technical education in Western Siberia. The work gives an overview and general description of the projects of mining officials to establish the Mining School. The study of projects is carried out in a clear sequence and with a close link both with departmental production, and with the all-Russian educational trends and changes in the late 18th — early 19th century. It considers the role of personality and interpersonal relationships in the regional and all the Russian history. The paper describes the general idea of the local authorities about the establishing in Barnaul of the education institution equal to the St. Petersburg School of Mines. The noble dream of creating in a remote Siberian province of highest Mining School became the obstacle to the implementation of a pragmatic approach to its establishing.

Key words: the Cabinet of Her Imperial Majesty, Kolyvano-Voskresensk factories, Mining school.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Министерства образования и науки Алтайского края (региональный научный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном»), проект № 16-11-22005 «Западносибирское региональное чиновничество Кабинета Его Императорского Величества как воплощение ведомственной служебной корпорации (середина XVIII — начало XX в.)».

Начальный период истории Барнаульского горного училища — верхнего звена региональной системы профессионального образования, недостаточно полно отражен в исторических исследованиях. А.В. Смолин и П.П. Костенков, наиболее подробно занимавшиеся изучением данного вопроса, ограничились лишь поверхностным его освещением [1, с. 228–255; 2, с. 1–15; 3, с. 63; 4]. Не изученной должным образом остались нормативно-правовая база функционирования училища, история ее разработки и практики применения, что только актуализирует необходимость настоящей публикации.

24 сентября 1779 г. управляющим Кабинета Адамом Васильевичем Олсуфьевым на имя правителя Колывано-Воскресенских заводов и Колыванской области генерал-майора Б.И. Меллера была подана инструкция, в которой, среди прочего, давалось распоряжение об учреждении Горного училища и осуществлении целого ряда мероприятий, направленных на подготовку технических кадров, необходимых для более эффективной деятельности всех горнозаводских производств. Инициатива учреждения Горного училища тесно связана с именем Ивана Михайловича Ренованца.

В 1778 г. на И.М. Ренованца было возложено служебное поручение, на несколько лет связавшее его жизнь с Алтаем и нуждами горной промышленности Сибири. «Яко искусный в горном деле чиновник», Ренованц, направлялся в Колывано-Воскресенские заводы «для подробнейшего всех обстоятельств свидетельства» и прежде всего важнейшего Змеиногорского рудника [5, с. 46–48]. Во время своей первой ревизионной поездки на заводы И.М. Ренованц заметил, что местным руководством не велась практическая работа по формированию новых кадров, а потому «Колывано-Воскресенское производство испытывало острую нужду в искусных штейгерах» и других специалистах средней квалификации. Инструкцией 1779 г., данной из Кабинета Б.И. Меллеру, И.М. Ренованц зачислялся в штат Колывано-Воскресенских горных заводов с присвоением чина обер-гиттенфервальтера, при этом отмечалось «употребление его практическое и теоретическое в службе заводской, которое соответствовало б купно пользе оной и его Ренованца знаниям» [6, л. 7 об.]. Помимо службы, И.М. Ренованцу предписывалось обучать разным частям горной науки нескольких сыновей горных офицеров и иных чинов «летами и качествами их к тому способных», «сега ради сочиняя план и штат небольшому и не весьма дорогому Горному училищу». Сочиненный план и штат с обстоятельными разъяснениями в последующем надлежало выслать в Кабинет для дальнейшего рассмотрения [6, л. 8]. Определение И.М. Ренованца на стратегически важный Змеиногорский рудник затормозило учреждение Горного училища на Колывано-Воскресенских заводах, открытие которого произошло лишь в 1785 г. — в год его отъезда в Санкт-Петербург.

13 марта 1785 г. состоялось заседание Горного совета под председательством генерал-майора Б.И. Меллера. Горный совет «обозрев действие заводов по рудопрмышленной и плавильной частям и применив оные к умозрительным горным наукам, открыл в недостатке сих последних величайшее препятствие для заводов в доставлении той степени совершенства, на которой сии могли бы твердо стоять по сокровищам в недрах земли». Результатом такого вывода было принятие Горным советом решения об учреждении при Колыванских заводах училища, причем, если это признавалось возможным, «в обширнейшем виде» [7, л. 1014 об.].

Точно не известно, участвовал или нет И.М. Ренованц в заседании Горного совета, представлял ли он свои соображения на его рассмотрение. По утверждению краеведа В.Ф. Гришаева, не подкрепленному архивной ссылкой, именно И.М. Ренованц разработал штат и программу обучения Горного училища [8, с. 58].

В качестве учебных предметов, необходимых для последующего служебного определения выпускников по горной и заводской части, Горным советом были признаны: 1) математика, включающая в себя: арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию, с прибавлением горной и заводской бухгалтерии; 2) маркшейдерская наука; 3) химия с применением к плавильному, пробирному, горному и заводскому производствам; 4) механика, «во всей ее обширности, применительно к горным и заводским промыслам»; 5) минералогия; 6) физика; 7) рисовальное искусство, включающее в себя умение фиксировать все, касающееся горнозаводского производства, поскольку «многие предметы, требующие точного и сходственного изображения, делают искусство рисовать не только полезным, но и необходимым»; 8) иностранные языки: немецкий и французский, «на которых лучшие знатоки писали и пишут, как собственно о горном искусстве, так и вообще о науках по какому-либо отношению близким к оному»; 9) Закон Божий [7, л. 1015].

Эти дисциплины по решению Горного совета должны были составить ядро знаний, необходимых для воспитания и образования горных специалистов.

Назначался преподавательский состав училища. Ученический состав разделялся на две группы. Первая группа в 20 чел. набиралась из детей штаб- и обер-офицеров заводского ведомства. При недостатке детей этой категории разрешался набор в училище детей служащих в Сибири чиновников других ведомств. В случае нежелания родителей определять своих сыновей в последующую горнозаводскую службу полагалось взыскивать плату за обучение в размере 250 руб. в год. Условием для поступления являлась начальная грамотность воспитанников, умение читать и писать по-русски и возраст от 10 до 13 лет. В делопроизводственной документации за детьми чи-

новников и горных офицеров закрепилось наименование благородных воспитанников. Благородные воспитанники должны были быть обеспечены за казенный счет пищей, обмундированием и другими припасами на тех же условиях, что и кадеты Артиллерийского дворянского корпуса.

Для будущего «исполнения воли» благородных воспитанников, подготавливаемых к руководящим должностям, Горный совет, запросив распоряжение Кабинета, определил в училище 30 сыновей нижних горных и заводских чинов, также умеющих читать и писать, в возрасте от 10 до 13 лет. Дети нижних чинов определялись на казенное содержание в специальное отделение, по примеру роты солдатских детей Артиллерийского корпуса. Их надлежало обучать штейгерскому, гиттенмейстерскому, маурмейстерскому, инструментальному, столярному, слесарному, токарному и гранильному искусствам, обучение же общеобразовательным — «умозрительным» наукам признавалось дополняющим курс изучения искусств и было направлено на его усовершенствование. Профессиональная специализация обучения детей нижних чинов и служителей дополнялась сначала наблюдением, а в последующем и практическими занятиями при заводских «устройствах».

Горный совет акцентировал внимание на горнозаводской специализации обучения обеих категорий учеников. В качестве меры, направленной на закрепление практического обучения, признавались летние командировки учащихся под руководством преподавателей на заводы и рудники.

В учебном процессе устанавливалась практика промежуточных полугодичных экзаменов в присутствии горных офицеров и начальника заводов. Положение Горного совета, несмотря на сословное разделение учащихся, полностью не ограничивало возможность обширного обучения общеобразовательным предметам и последующего получения первого горного чина для детей служителей и нижних чинов. Данными преимуществами могли воспользоваться и талантливейшие дети мастеровых.

После окончания обучения благородные воспитанники, по определению Кабинета, зависящему от успехов учения, подлежали зачислению в штат Кольванских заводов. Лучшие из благородных учеников должны были получить унтер-шихтмистерские звания, открывающие путь к последующему получению обер-офицерских чинов. Нерадивые и неспособные благородные воспитанники представлялись к назначению в прапорщики местной горной команды, а ленивые и уличенные в различных пороках — в солдаты. Дети нижних чинов, в случае неспособности к обучению, отсылались в горные и заводские работы. В положении Горного совета оговаривалась возможность оставления части прилежных и способных

воспитанников к занятию должностей помощников учителей как по учебной, так и по ремесленной части.

Помимо десяти учителей и пяти мастеров, в штат училища определялся гофмейстер, в обязанности которого входило финансово-хозяйственное руководство училищем, обеспечение его продуктами питания и припасами. Под начало гофмейстера должен был определяться комиссар, осуществляющий бухгалтерские функции, а также вся прислуга училища. Для поддержания дисциплины и порядка в училище устанавливалось дежурство из обер- и унтер-офицеров штатной горной команды. Руководство Горным училищем поручалось инспектору, избираемому начальником заводов из горных штаб-офицеров. В обязанности инспектора входили: организация и направление образовательного процесса, надзор за деятельностью преподавателей и успехами учащихся, а также общие хозяйственные распоряжения по Горному училищу. Общая сумма расходов на содержание Горного училища по штатам, утвержденным Горным советом 13 марта 1785 г., составляла 15 695 руб. 33 1/3 коп. При этом неоговоренная в положении и не учтенная в штатах сумма на постройку каменного здания для помещения училища равнялась 10 000 руб. [7, л. 1003].

Положение и штаты Горного училища, выработанные Горным советом, были направлены на рассмотрение в Кабинет, но остались без утверждения. Кабинет признавал невозможным выделение 15 695 руб. 33 1/3 коп. из заводской суммы на устройство Горного училища без вреда для финансирования других отраслей горнозаводского производства. Член Кабинета генерал-майор П.А. Соймонов в инструкции от 28 августа 1785 г. предписывал начальнику заводов Г.С. Качке «удовольствоваться малым училищем», содержание которого не превышало бы 2 000 руб. [9, л. 83 об.]. Таким образом, устраиваемое в Барнауле Горное училище должно было предоставлять учащимся лишь начальные знания по горным наукам. В той же инструкции оговаривалась отправка способнейших кольванских подростков для последующего завершения их обучения в учрежденное в Санкт-Петербурге Горное училище. В качестве заключительного этапа обучения предполагалась отправка воспитанников из Санкт-Петербургского Горного училища в чужие края «для приобретения обширнейших познаний» в горных науках.

Барнаульское Горное училище функционировало на основании принципов, заложенных в неутвержденное Положение Горного совета и решения Кабинета 1785 г., без попыток каких-либо изменений вплоть до 1803 г.

Новая разработка положения для Горного училища связана с именем занимавшего в начале XIX столетия должность его инспектора — горного офицера Григория Семеновича Бровцына. Бровцын родился в 1745 г. в семье дворян Новгородской губернии.

Образование получил в Московском университете. В последней четверти XVIII в. состоял управляющим Алейской, Павловской и Змеиногорской горных контор. Известен конфликт между ним и начальником заводов В.С. Чулковым, описанный историком В.В. Ведерниковым [10, с. 70–73]. Личное неприятие и конфронтация, принявшие открытые формы, привели к тому, что Григорий Бровцын был отстранен сначала от руководства Змеиногорским рудником, а в дальнейшем и Павловским заводом. В ноябре 1801 г., оставшись не у дел, он по самостоятельно разработанному проекту провел исследование по сбережению свинца при извлечении серебра на одном извлекательном горне Барнаульского завода. Проведенная Г.С. Бровцыным работа преследовала цель подтверждения его правоты в споре с начальником заводов. В конце концов он был определен на должность инспектора Барнаульского Горного училища, а зимой 1802 г. он был направлен в Санкт-Петербург.

Во время нахождения Бровцына в столице он получил из Кабинета повеление: «сочинить план... о распространении при здешних заводах училища, до такой степени, дабы учащиеся могли почерпнуть все науки, до горной и заводской части касающиеся, до такой степени, чтоб из оною могли прямо поступать к искусственным должностям» [7, л. 948, 990–990 об.]. Как следует из слов Бровцына, к моменту дачи ему распоряжения о составлении «плана училищу» Кабинет довел устройство машин и «вновь установленных обработок» в Кольванских заводах до наилучшего состояния, вследствие чего, обратив свое внимание на училище, «не находит более надобности посылать в Санкт-Петербург в Горное училище, для окончания курса, а по здешним благонамерению своему обстоятельством за нужное почитает учредить такое училище, чтоб к познанию наук доводить здесь до употребления к должностям» [7, л. 948].

Из этого утверждения выходит, что идея составления нового положения для Горного училища в Барнауле исходила от Кабинета. Более того, вновь предлагалась идея преобразования училища до такого уровня, который бы позволял исключить финансово затратную отставку воспитанников для завершения обучения в Санкт-Петербург. Преобразование на таких условиях подразумевало под собой как постановку учебного процесса, так и материально-хозяйственного обеспечения, сопоставимого по своему уровню с Санкт-Петербургским Горным училищем, являвшимся высшим учебным заведением.

Возвратившись из Санкт-Петербурга, Г.С. Бровцын приступил к составлению положения для Горного училища. 1 октября 1803 г. он представил начальнику Кольванских заводов В.С. Чулкову обширный «План о распространении в Кольвано-Воскресенских заводах училища» [7, л. 947–982 об.]. В его основу легло переработанное, дополненное и снабженное про-

странными рассуждениями Г. Бровцына Положение Горного совета 1785 г.

Красной нитью сквозь «План о распространении училища» проходит идея неразрывного с теоретическим практического обучения на рудниках и заводах Кольванского округа. Она же приводится в качестве обоснования преобразования Барнаульского училища в равное по уровню подготовки выпускников Санкт-Петербургскому Горному училищу.

По мнению Г. Бровцына, в Горном училище должны были преподаваться: 1) арифметика и алгебра; 2) геометрия; 3) тригонометрия; 4) правила механики; 5) правила гидравлики; 6) физика теоретическая и экспериментальная; 7) рисование; 8) минералогия; 9) металлургия; 10) часть химии, используемая при металлургическом производстве; 11) практика и теория горного искусства; 12) французский язык; 13) немецкий язык; 14) российская грамматика, риторика и логика; 15) история и география.

Важным признавалось обучение танцам и музыке. Преподавание Закона Божьего, как и прежде, поручалось протопопу Барнаульского Петропавловского собора и лютеранскому пастору.

В штаты Горного училища, составленные Бровцыным, были включены учителя:

- 1) математики (один учитель и два помощника);
- 2) маркшейдерского, горного производства, минералогии и рисовального искусства (один учитель и два помощника);
- 3) химии (один учитель и один помощник);
- 4) истории и географии (один учитель);
- 5) российской грамматики, риторики и логики (один учитель);
- 6) немецкого языка (один учитель);
- 7) французского языка (один учитель);
- 8) музыки и танцев (один учитель).

Комплектование преподавательского состава предполагалось из лиц с высшим или педагогическим образованием, «сторонних горному ведомству», для выплаты жалованья которым учреждалась специальная училищная сумма. Для обучения ремеслам назначались:

- 1) инструментальный;
- 2) столярный;
- 3) слесарный;
- 4) токарный;
- 5) гранильный и резьбе по камню;
- 6) литейный и расковочный мастера, а также маурмейстер.

Ученический состав разделялся на 20 благородных и 30 учеников из детей нижних чинов и разночинцев, содержащихся за счет казны. Каждому из благородных воспитанников полагалось 18 руб., а разночинцу — 12 руб. годового жалованья. Благородным воспитанникам вменялось ношение мундиров, наподобие мундиров горных офицеров, но без клапанов и пуговиц

на обшлагах. В качестве меры, направленной на предотвращение «заражения» благородных воспитанников дурными поступками и дерзостями, свойственными детям разночинцев, предлагалось раздельное обучение в училище: «чтоб обучаемы были по разным столам или приходили учиться в другие часы» [7, л. 970]. Как и в положении Горного совета 1785 г., в училище допускалось обучение сыновей лиц, «посторонних горному ведомству», с ежегодной платой в размере 50 руб. В случае нежелания благородного воспитанника продолжать заводскую службу его родители должны были возместить размер казенного жалования, полученного учеником за время нахождения в Горном училище, а также ежегодную плату за обучение 50 руб.

По «Плану о распространении училища» предполагалась двухуровневая система экзаменов. Каждую треть года начальником заводов избирались способнейшие из штаб- и обер-офицеров, которые совместно с инспектором Горного училища и его помощником составляли собрание экзаменаторов. Результаты каждого экзамена должны были докладываться начальнику заводов. В конце учебного года назначался публичный генеральный экзамен, по результатам которого начальник заводов как директор училища и председательствующий награждал лучших из благородных учеников чинами унтер-шихтмейстеров, а учеников разночинцев — помещением в штат к ремеслам с прибавкой жалования и званиями подмастерьев, с соответствующими им окладами.

«План о распространении училища» был составлен в соответствии с правовыми и дисциплинарными нормами военного горного строя. Особое внимание уделялось выбору кандидатур учителей и мастеров. Всячески подчеркивалась необходимость соблюдения правил дисциплины, морали и нравственности как преподавателями и служащими училища, так и учащимися. Учителям, инспектору и помощнику училища вменялся постоянный контроль над поведением учеников, на них возлагались воспитательные функции, направленные на формирование из учащихся достойных и полезных Отечеству граждан.

Отличием плана, составленного Г. Бровцыным, от Положения Горного совета 1785 г. являлось введение большего числа служащих в Горном училище, с указанием возлагаемых на них обязанностей. В помощь инспектору училища назначался товарищ — помощник. «Товарищ должен под рукою инспектора быть и, что от него приказано, будет исполнять. В уточнении его приказаний, есть ли усмотрит противного постановления, хотя бы и самим к лучшему вдумано будет, доносить инспектору; ибо без воли его ни к чему ни приступать, а ежели случится за отлучкою или по болезни инспектора, тогда заступать его место» [7, л. 980об.]. Помимо этого, на него возлагались функции библиотекаря Барнаульской казенной

библиотеки. К товарищу инспектора определялись в помощь два испытанных «в добронравии и развязности» младших обер-офицера, в функции которых входили периодический обход училища и наблюдение за благопристойностью воспитанников, направленные на предотвращение дерзостей и непристойных поступков как благородных учеников, так и разночинцев. В классные комнаты училища надлежало назначать из инвалидных служителей отдельных сторожей.

В случае болезни воспитанников их направляли в госпиталь для излечения за казенный счет. Для благородных воспитанников при госпитале выделялся особый покой. Инспектору и товарищу надлежало наблюдать и за болеющими учениками. Дежурным же офицерам предписывалось два раза в день навещать больных, смотреть за их содержанием и лечением. Общая штатная сумма расходов Горного училища по «Плану о распространении училища» составляла 11 313 руб. 72 коп.

В начале октября 1803 г., ознакомившись с представленным проектом, В.С. Чулков, зная об осведомленности Кабинета и всего местного горного офицерства о существующей между ним и Г.С. Бровцыным давней конфронтации, прибег к коллективному рассмотрению представленного ему «Плана о распространении училища». По прочтении в Канцелярии Колывано-Воскресенских заводов разработанный Г. Бровцыным документ был передан специально собранному комитету в составе «известных в учености чиновников»: надворного советника С.С. Петрова, обер-гиттенфервальтера И.Г. Мейшнера, маркшейдера А.И. Шлаттера и учителя 10 кл. С.А. Гарянского [7, л. 985]. Членам комитета следовало рассмотреть план Бровцына, сравнить его с действительным положением училища, сделать детальные замечания по всем предметам и представить свои предложения по улучшению устройства и функционирования Горного училища. Все члены данного комитета были профессионально связаны с деятельностью училища. С.С. Петров и С.А. Гарянский являлись преподавателями, И.Г. Мейшнер был бывшим инспектором, а А.И. Шлаттер — внуком президента Берг-коллегии И.А. Шлаттера и уже отличился как первооткрыватель ряда полиметаллических месторождений в регионе [11, с. 104–105].

Главный вывод, сделанный комитетом, заключался в том, что «План о распространении в Колывано-Воскресенских заводах училища», составленный Г.С. Бровцыным, не являлся оригинальным документом. В его основу целиком легло Положение Горного совета 1785 г.: «При совершенном почти в положениях о учениках и учителях единообразии планов сих, разность состоит токмо в том, что в плане Горного совета воспитание полагается и утверждается содержанием детей всем к жизни потребным и надзи-

ранием внутри училища, напротив того у... кавалера Бровцына токмо расписывается и рекомендуется учителям и дежурным офицерам образовывать оным детей в часы бытности их в классах» [7, л. 993]. Таким образом, Положение Горного совета, предполагавшее постройку училищного здания и стационарное проживание в нем учеников, изначально предлагало устройство Горного училища на более фундаментальных основах. Погрузившись в пространные размышления о воспитании, Г. Бровцын полностью проигнорировал включение в штаты суммы как на постройку здания для училища, так и на его ежегодное содержание. Между тем, как отмечалось комитетом, «...не безызвестно ему, что здесь не довольно ни один жилой дом, ни же и самая Канцелярия, помещающая и контору, яко обширнейшее строение, ни как не может быть к тому достаточна...» [7, л. 994 об.]. Комитет подчеркнул «неудовольствие» учителями и способами обучения, которое явно усматривалось в плане Г.С. Бровцына. Его суждения, по мнению членов комитета, не соответствовали действительности, вместе с тем они признавали важность расширения числа учебных предметов. Статьи расходов на содержание училища и штаты, представленные Бровцыным, по мнению членов комитета, не выдерживали никакой критики.

«Упущения» в штатах и «несообразности» в финансово-материальном снабжении учителей и учеников привели комитет к выводу о сохранении существовавшего положения дел в функционировании училища, однако с добавлением к курсу следующих учебных предметов: 1) аналитики, заключающей в себе интегральное и дифференциальное исчисление; 2) прикладной математики «во всей ее обширности и преимущественно в отношении к гидравлике и механике»; 3) маркшейдерского искусства, межевания и отвешивания, сочинения горных чертежей и карт сферических и плоских, математическим географии и перспективе; 4) подземной географии и архитектуре; 5) металлургии; 6) логики, метафизики и риторики.

Обучение ремеслам признавалось ненужным в связи с тем, что со времен Горного совета 1785 г. на заводах и рудниках появилось достаточное число мастеров, умело выполняющих свою работу, а гранильное искусство и художественная резьба доросли до размеров отдельной фабрики.

Цель преобразования Горного училища комитет видел в укреплении его материальной базы и уровня преподавания до такой степени, «...чтоб могло оно снабжать заводы по всем поспешествующим (способствующим) наилучшему их действию частям, совершенно уготованными к тому молодыми людьми...» [7, л. 996]. Следовательно, желательной признавалась полная подготовка учеников в училище без последующей отправки для окончания обучения в Санкт-Петербург.

Рассмотрев «План о распространении в Кольвано-Воскресенских заводах училища», комитет составил свое расписание и замечания для Горного училища. По мнению членов комитета, курс обучения в училище должен был разделяться на три класса без фиксированного срока обучения в каждом из них. В отношении преподавания иностранных языков комитет особо отмечал, «что если будет признано необходимым, как то предлагал Г. Бровцын, учителям немецкого и французского языков предписать переводить для пользы горного дела книги на русский язык», важнейшим требованием считались достаточные познания их в горных науках. Латинскому языку надлежало обучать подростков, готовившихся к определению в службу по медицинской части, не лишним признавалось их обучение и ботанике.

Для определения в службу комитетом считались важными знания государственных законов и писмоводительства. Существовавший способ подготовки писмоводителей и конторских работников признавался неэффективным, поэтому комитет считал крайне необходимым «...изобрести способ подать им сведения в оных, до поступления еще их в настоящую службу».

Таким образом, на повестку дня была поставлена необходимость разработки программы для обучения законоведению и горнозаводскому делопроизводству. В качестве меры, направленной на распространение новейших научно-технических мыслей и разработок среди горного офицерства и служащих, а также повышения уровня преподавания в училище, предлагалось наладить и ввести в норму отpravку для Барнаульской казенной библиотеки литературы и периодических изданий. Подчеркивалась первостепенная необходимость в изданиях, касающихся горнозаводского производства и точных наук.

Комитет предложил нормативно закрепить ежегодное выделение суммы для практических поездок учеников, предполагаемых к выпуску, под руководством преподавателей по рудникам и заводам округа. Практическое ознакомление со всем циклом горных и заводских работ должно было закреплять теоретические познания и завершать полный курс обучения в Барнаульском Горном училище.

Заключение, составленное в результате рассмотрения «Плана о распространении в Кольвано-Воскресенских заводах училища», вместе с расписанием и замечаниями было представлено комитетом начальнику Кольвано-Воскресенских заводов В.С. Чулкову. В своем рапорте от 1 декабря 1803 г. в Кабинет В.С. Чулков полностью соглашался с выводами и предложениями, сделанными Комитетом. На выплату жалованья учителю метафизики, риторики и логики он предлагал назначить 800-рублевый годовой оклад жалованья. Преподаватель данных дисциплин должен был наниматься из сторонних горному ведомству

лиц на контрактной основе минимум на четыре года, с предоставлением казенной квартиры, дров и специального служителя. Прочие преподаватели предлагаемых к введению дисциплин (маркшейдерского искусства, межевания, обвешивания, сочинения горных чертежей и карт плоских и сферических, перспективы и географии математических; подземной географии и архитектуре; металлургии, включающей в себя пробырное и плавильное искусства и минералогии; аналитики и прикладной математики) должны были назначаться из служащих в округе горных офицеров. За преподавательскую деятельность им надлежало выплачивать дополнительное к основному окладу жалование. Общая сумма годовых жалований за обучение этим дисциплинам равнялась 1600 руб. Расходы на летние практические командировки учеников с преподавателями также признавались необходимыми. Сумма, требующаяся на данные поездки, ежегодно должна была составлять 1000 руб.

Помимо увеличения штатной суммы на содержание Горного училища с 2 000 руб. до 5 400 руб., В.С. Чулков поднял вопрос о постройке отдельного здания для училища. На постройку училищного дома, «...состоящего по Комитетскому назначению из 12 покоев...», предлагалось единовременно выделить до 3 000 руб., при этом начальник заводов оговаривался, что «...построить оной не иначе, как обстоятельства заводские и наличность рабочих людей, когда позволять будут...» [7, л. 988].

Для стимулирования лучшей прилежности и рвения к получению знаний ученикам, находившимся в летних производственных командировках, предлагалось назначать двойной (36 руб.) оклад жалования, «...дабы не имели нужды и тем охотнее старались успевать в науках» [7, л. 988об.].

В случае утверждения Кабинетом всех мер, направленных на преобразование и улучшение деятельности Горного училища, соединения на Кольвано-Воскресенских заводах теории и практики обучения, В.С.Чулков, так же, как Г.С. Бровцын и члены комитета, полагал, что «...не будет казаться уже надобности отправлять их (учеников) в учрежденное в Санкт-Петербурге Горное училище, в котором содержание их гораздо стоит более». В заключении своего рапорта В.С. Чулков, в случае благоприятного разрешения вопроса, просил Кабинет утвердить выделение ежегодной штатной суммы на содержания училища в размере 5 400 руб. в особый училищный капитал, отдельный от заводской суммы расходов, из которого предлагал производить расходы на покупку книг и периодических изданий для училища и библиотеки.

Рапорт и вся документация, касающаяся преобразования Горного училища, были отправлены в Кабинет. Ответ из Кабинета последовал лишь 1 декабря 1809 г., уже при новом начальнике заводов И.И. Эллерсе.

Все ранее составленные проекты и заключения были присланы в Барнаул с краткой формулировкой «для рассмотрения» начальнику заводов. Рассмотрения со стороны заводского начальства не последовало, а училище продолжало действовать на основе неутвержденного положения Горного совета 1785 г. вплоть до 1820-х гг.

Рассмотрев историю вопроса разработки и утверждения нормативно-правовой базы Барнаульского Горного училища, следует обратить внимание на основные ведомственные — административно-управленческие и общероссийские — образовательные изменения и тенденции, оказывавшие прямое влияние на принятие столь затянувшегося решения.

Возникновение вопроса о необходимости учреждения училища в Барнауле в 1779 г. было связано с кризисными явлениями в деятельности Кольвано-Воскресенских заводов. В 1779 г. произошло затопление Змеиногорского рудника, имевшего первостепенное значение для всей промышленности региона. Вслед за этим последовала отставка начальника заводов А.А. Ирмана. За 1772–1782 гг. в три раза сократились объемы промышленного производства Кольвано-Воскресенских предприятий [12, с. 72–73]. Для установления причин такого положения дел на Алтай с ревизионной поездкой был послан И.М. Ренованц. Кабинет предпринял ряд мер, направленных на выравнивание ежегодных размеров добычи серебра на Кольвано-Воскресенских заводах. Параллельно с этим в 1779 г. началось проведение губернской реформы в Сибири. Так как первостепенным считалось решение производственных и административных задач, вопрос об учреждении училища остался без должного рассмотрения.

В 1784 г. членом Кабинета и руководителем горной экспедиции кольвано-воскресенских заводов был назначен П.А. Соймонов, который уже в следующем году посетил Кольвано-Воскресенские заводы. Визит П.А. Соймонова был обусловлен необходимостью установления нового порядка управления и реализации мер, направленных на оздоровление заводского производства [13, с. 179–180]. Результатами поездки стало утверждение проекта К.Д. Фролова по механизации работ Змеиногорского рудника, был принят целый комплекс решений, направленных на улучшение деятельности Кольвано-Воскресенских предприятий. Именно во время ревизии П.А. Соймонова летом 1785 г. были приняты конкретные шаги по открытию Горного училища в Барнауле. В короткие сроки были набраны ученический и преподавательский составы, учебный процесс начался с 1 сентября того же года. Реальным строителем и, по сути, первым инспектором Барнаульского Горного училища стал Г.С. Качка. На Кольвано-Воскресенских заводах начался период модернизации.

Примечательно то, что сам П.А. Соимонов оказался в центре решения проблемы совершенствования горного образования в России. 19 октября 1784 г. Петербургское Горное училище было передано из ведения Санкт-Петербургской казенной палаты под начало Кабинета, в результате чего он стал его директором [14, с. 12–14]. Возглавив главное горное учебное заведение империи, П.А. Соимонов детально ознакомился с его деятельностью и способствовал внесению ряда значительных позитивных изменений в его работу.

Логично предположить, что П.А. Соимонов изначально отводил Барнаульскому Горному училищу вспомогательную роль, недаром в инструкции от 28 августа 1785 г. он приказал начальнику заводов Г.С. Качке «удовольствоваться малым училищем». Училище в Барнауле изначально задумывалось им как «благородное», должно было стать стартовой площадкой для поступления сыновей горных офицеров в Санкт-Петербургское Горное училище. Для завершения образования сразу же оговаривалась необходимость их отправки в столицу. Открытие Барнаульского Горного училища, видимо, неслучайно совпало по времени с проведением общероссийской образовательной реформы и принятием Устава народных училищ в 1786 г. [15, с. 646–669]. Основанное в Барнауле главное народное училище существовало параллельно с Горным, но в результате административной контрреформы оно прекратило свое существование в 1797 г. На кратковременности его существования также сказались ведомственная принадлежность и горнозаводской профиль региона.

Разработка проекта Г. Бровцына в 1803 г. хронологически соотносится с процессом реформирования Санкт-Петербургского Горного училища. Так, 19 января 1804 г. был принят новый устав, а само училище было преобразовано в Горный кадетский корпус [16].

Помимо горного, в это же время в России была осуществлена реформа гражданского образования. 5 ноября 1804 г. был утвержден Устав учебных заведений, подведомственных университетам [17]. В 1809 г. Горный кадетский корпус де-факто был приравнен к университету [14, с. 33–34]. Поступившее же в том же году из Кабинета начальнику Кольвано-Воскресенских заводов И.И. Эллерсу распоряжение о выработке Положения для Барнаульского училища, к сожалению, так и осталось невыполненным.

Следующая попытка реформирования Горного училища в Барнауле была связана с именем выдающегося алтайского управленца П.К. Фролова. Несмотря на законодательное закрепление инициатив в области горнозаводского образования, и при П.К. Фролове не последовало подлинного преобразования и начала нормального функционирования училища [18, с. 37–45].

Окончательное решение проблемы произошло лишь в 1836 г., когда при непосредственном участии начальника Штаба корпуса горных инженеров К.В. Чевкина было принято «Положение об учебных заведениях Алтайских горных заводов». Горное училище наконец-то было реформировано [19, с. 117–124]. Вопрос же его статуса так и не был определен, де-юре оставаясь начальным, оно де-факто являлось средним профессиональным учебным заведением.

Библиографический список

1. Смолин А.В. Из истории горнотехнического образования и педагогической деятельности В.В. Петрова на Алтае во второй половине XVIII века // Труды науч. конф. по истории черн. металлургии Кузбасса. — Кемерово, 1957.
2. Смолин А.В. Горные училища Алтая в XVIII — XIX вв. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Кемерово, 1956.
3. Костенков П.П. Барнаульское Горное училище // Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. — Барнаул, 1996. — Т. 2.
4. Энциклопедия образования в Западной Сибири : в 3 т. — Барнаул, 2003. — Т. 1.
5. Бояркина Т.А. Минеролог И.М. Ренованц на Алтайских заводах // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края : тез. докл. к конф. — Барнаул, 1986.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 169. — Оп. 1. — Д. 105.
7. ГААК. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 2056.
8. Гришаев В.Ф. Алтайские горные инженеры. — Барнаул, 1999.
9. ГААК. — Ф. Р-1736. — Оп. 1. — Д. 60.
10. Ведерников В.В. Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. : монография. — Барнаул, 2005.
11. Мамонтов В.Н. Список рудных месторождений Алтайского округа (золото, серебро, медь, свинец и цинк). — Барнаул, 1908.
12. Ведерников В.В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. : монография. — Барнаул, 2012.
13. Кричевцев М.В. Императорский Кабинет: ведомство личной канцелярии российского монарха, 1741–1801 : монография. — Новосибирск, 2007.
14. Очерки истории Горного института (1773–1917) : монография. — СПб., 2010.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). — Т. XXII. — № 9456.

16. ПСЗРИ-I. — Т. XXVIII. — № 21133.
17. ПСЗРИ-I. — Т. XXVIII. — № 21501.
18. Бабарыкин Б.В. Проекты П.К. Фролова по реформированию горных училищ и учреждению горно-сиротского отделения Колывано-Воскресенских заводов 1822 г. // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной научной школы-конференции. — Новосибирск, 2016.
19. Бабарыкин Б.В. Причины и особенности реформирования Учебной части Алтайского горного округа К.В. Чекиным в 1836 г. // Сибирь в истории России : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию профессора З.Г. Карпенко. — Кемерово, 2016.